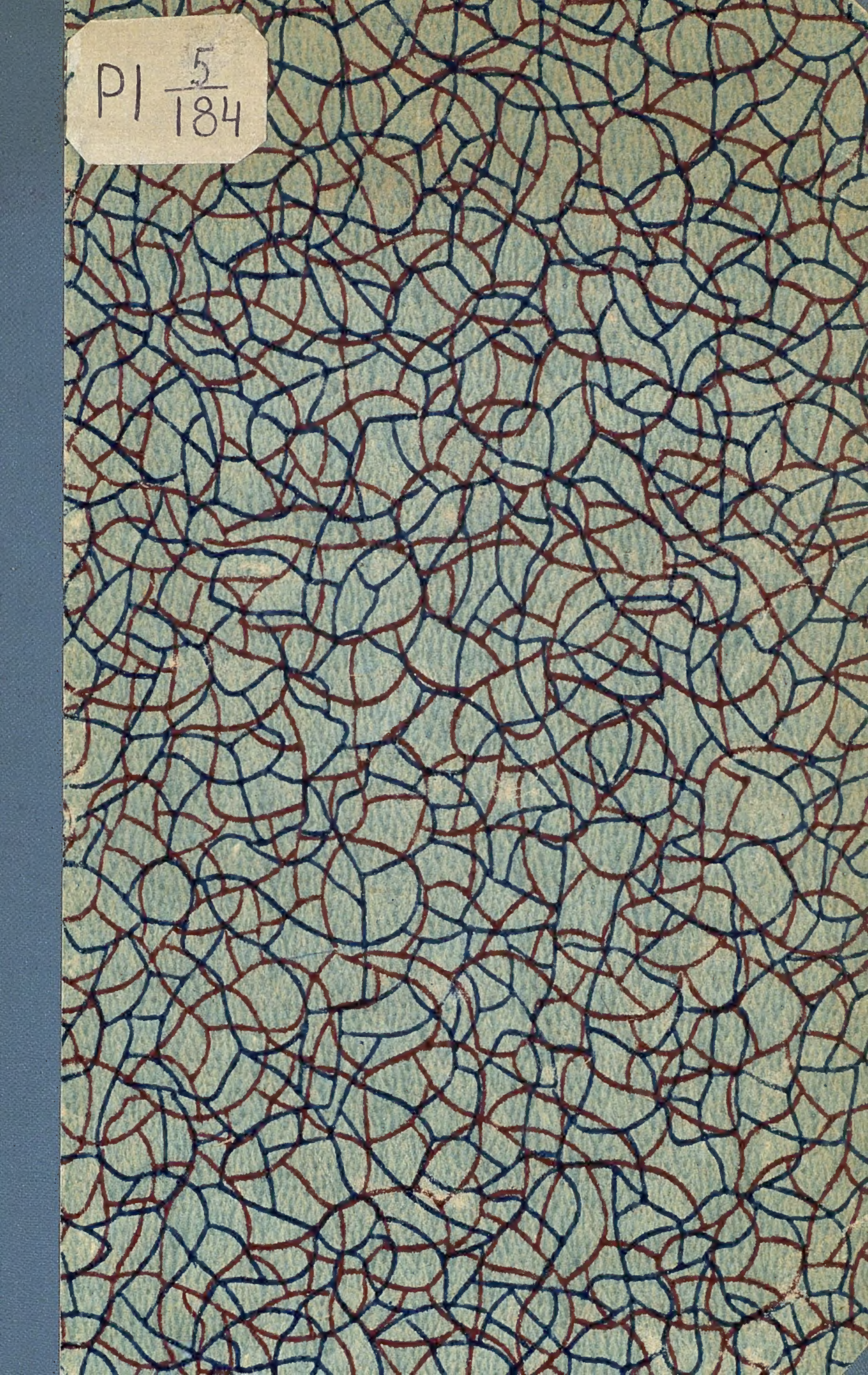

Н. П. Ануфріевъ.

ДВА РУССКИХЪ УЧРЕДИТЕЛЬНЫХЪ СОБРАНІЯ.

Историческія параллели (1613—1917 г.г.).

Цѣна 40 коп.

МОСКВА, 1917.

БРОШЮРЫ

подъ редакціей проф. Н. Н. Алексѣева.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ Собранія (1613 и 1917 г.) Ц. 30 к.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли соціальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.

ПОЯВЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:

7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое соціализмъ?
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время.
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНЪ. Что такое свобода.
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція.
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и современный „большевизмъ".
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда съ солдатами.
17. Проф. М. Н. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ Учредительномъ Собраніи.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхованіе отъ безработицы.

Два Русскихъ Учредительныхъ Собранія.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

(1613—1917 гг.).

Тревожныя времена имѣютъ одну несомнѣнную цѣнность: они заставляютъ людей размышлять надъ великими общественными вопросами. Въ мирномъ теченіи жизни великія творенія человѣческой мысли проходятъ передъ людьми, всецѣло поглощенными повседневностью быта, какъ смутныя тѣни, часто даже и не касаясь ихъ. Религія, право, народъ, власть, государство, — все это представляется въ спокойномъ состояніи общественности, какъ отвлеченныя понятія, весьма далекія отъ непосредственной жизни. Но когда сотрясаются самыя основы общественнаго существованія, понятія эти безмѣрно приближаются къ душевному міру каждаго человѣка, безотносительно къ его умственному развитію и культурности; они становятся частью его повседневнаго мысленнаго обихода, живыми образами его душевной дѣятельности. Образы эти постепенно, по мѣрѣ уясненія сущности переживаемыхъ тревогъ и потрясеній, становятся общимъ достояніемъ, къ нимъ направляются мыслительныя нити милліоновъ людей, и во имя ихъ творится будущее общество.

Среди современнаго броженія умовъ и смѣшенія политическихъ и общественныхъ понятій особенно ярко выдѣляется стремленіе общественной мысли слить въ единое гар-

моничное и крѣпкое цѣлое образы власти и народа. Образы эти, еще такъ недавно представлявшіеся намъ только отвлеченными понятіями, въ настоящій моментъ уже имѣютъ глубокіе и крѣпкіе корни въ душевной жизни каждаго человѣка, пережившаго бурю февральско-мартовскихъ дней 1917 года. Пройдетъ еще рядъ дней, и сліяніе власти и народа въ одной, новой для нашего столѣтія, формѣ будетъ уже политической дѣйствительностью. Неясныя очертанія этого новаго образа родились въ насъ вмѣстѣ съ революціей; едва выяснился успѣшный исходъ переворота, какъ уже намѣтился и его естественный конецъ: революція выдвинула мысль о Народномъ Учредительномъ Собраніи.

I.

Императорскій періодъ русской исторіи, начатый Петромъ Первымъ и законченный Николаемъ Вторымъ, прошелъ въ стремленіи отдѣлить власть отъ народа. Императорское правленіе положило много трудовъ и усилій, чтобы разобщить эти два взаимно-связанныя основныя начала политической жизни русскаго общества. Путемъ распространенія соотвѣтствующей литературы, путемъ полицейскаго и уголовнаго воздѣйствія въ теченіе долгихъ двухъ столѣтій Петербургъ внѣдрялъ въ общество мысль, что народъ есть политически-безпомощная совокупность людей, спасеніе и благо которыхъ находится всецѣло въ рукахъ политически-всесильнаго правительства, т.-е. небольшого кружка лицъ, сосредоточенныхъ около императора. Мрачный и пустой для русскаго народа XVIII вѣкъ достигъ своей цѣли: народъ былъ оторванъ отъ власти, оторванъ насильственно и сознательно для того, чтобы обезличить народъ и укрѣпить правительство. Въ началѣ XIX столѣтія русское государство вполнѣ отождествляется съ правительствомъ; народъ безмолвствуетъ подъ тяжестью правительственнаго

тягла, само правительство еще не сознаетъ опасности разложенія и внутренняго безсилія такой денатурированной (испорченной) государственности. Но народныя выступленія, такъ поразившія въ 1812 году правительство, показали, что въ народѣ жива и дѣйствуетъ запрещенная государственная идея, что (народъ не есть политически убитая масса темнаго люда, какъ это думало петербургское правительство.) Не смогла убить народную государственность и послѣдовавшая реакціонная полоса царствованія Николая I; народъ, время отъ времени, подавалъ живой голосъ своего политическаго существованія и добился своего личнаго освобожденія въ 1861 году, но не добился тогда признанія своихъ политическихъ правъ, не достигъ слiянія власти съ народомъ. Государство и послѣ грандіозной соціальной реформы русской исторіи XIX ст.—освобожденія крестьянъ, продолжаетъ заслоняться правительствомъ, а народъ выдается попрежнему за политически-ничтожную величину. Не достигъ народъ слiянія своего съ властью и въ 1905 году, хотя и сдѣлалъ къ тому героическую попытку. И только 1917 годъ принесъ, наконецъ, русскому обществу благую вѣсть о слiяніи власти съ народомъ.

Во имя этого слiянія произошла революція 1917 года, которая безсознательно и стихійно, но исторически и политически вѣрно указала на необходимый заключительный актъ переворота — на Учредительное Собраніе.

Въ настоящій моментъ образъ этого Собранія, въ первые дни революціи бывшій только намекомъ, день ото дня становится все болѣе и болѣе живымъ, вытѣсняя изъ центра нашего вниманія своей настоятельностью и важностью всѣ другія политическія образованія. Даже болѣе того, Учредительное Собраніе имѣетъ въ нашемъ сознаніи какъ бы собирательное значеніе: оно постепенно поглощаетъ въ себѣ всѣ великіе вопросы преобразованія политической и обще-

ственной жизни народа. Учредительному Собранію народная мысль придаетъ уже въ настоящій моментъ исключительно-великое значеніе. Въ немъ сосредоточены всѣ чаянія и ожиданія многомилліоннаго народа, изстрадавшагося въ политической оторванности и въ вынужденной бездѣйственности; его ждутъ какъ исцѣлителя отъ безчисленныхъ золъ и болѣзней стараго императорскаго режима. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Учредительнаго Собранія ждетъ Россія, какъ откровенія, могущаго въ моментъ возсоединенія двухъ стихій общественности — власти и народа — произвести чудо пересозданія русскаго общества на началахъ, еще невѣдомыхъ міру. Освобожденный русскій народъ въ краткій историческій мигъ уже показалъ такія чудеса, какъ безкровная единодушная революція въ средѣ двухсотмилліоннаго населенія, раскинутаго на необозримой территоріи; онъ показалъ небывало захватывающій подъемъ народныхъ массъ въ сторону дѣйствительнаго воплощенія великихъ началъ свободы, равенства и братства. Отъ Учредительнаго Собранія основательно требуютъ и ждутъ, что оно выявитъ таящіяся въ народѣ отъ вѣка сокровища духа въ созданіи „народнаго царства“.

Образъ Учредительнаго Собранія, какъ онъ сложился въ глубинахъ народной души, далеко выходитъ изъ обычной формулы собранія народныхъ представителей, избранныхъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Этой формулой опредѣляются только видимыя очертанія Собранія, но не его дѣйственность, не его почти чудесное назначеніе. Учредительное Собраніе, понимаемое въ такомъ устремленіи, дастъ намъ не демократическую республику, какъ принято темно и неясно выражаться, а именно народное царство, какъ слѣдствіе соединенія власти и народа.

При такомъ пониманіи существа и назначенія грядущаго

Учредительнаго Народнаго Собранія представляется необходимымъ уяснить политическое содержаніе главной дѣйствующей силы Собранія, т.-е. народа.

Революціонному мышленію вообще свойственны два увлеченія: переоцѣнка значенія настоящаго въ ущербъ прошедшему и предпочтеніе обще-человѣческихъ идей національному опыту, — словомъ, недостаточное вниманіе и часто даже игнорированіе исторіи. Исторія у современниковъ революціи находится подъ подозрѣніемъ, такъ какъ они видятъ въ прошломъ только вмѣстилище минувшихъ политическихъ золъ и неустройствъ, а революціи приписываютъ силу, разрушающую старое и творящую новое изъ новаго матеріала. Революціонное мышленіе, подъ вліяніемъ непосредственнаго переживанія переворота, обычно теряетъ устойчивость и равновѣсіе и утрачиваетъ чистоту уясняющей работы мысли. Современникамъ революціи кажется, что люди наглядно рвутъ всѣ свои связи съ прошлымъ, совлекаютъ съ себя „ветхаго Адама", чтобы стать „новыми людьми"; что они черпаютъ силы и средства для переворота не въ прошломъ, а творятъ ихъ сами изъ настоящаго. При этомъ мысленные взоры такого типа мыслителей направляются привычно вдаль отъ той исторической среды, гдѣ произошелъ переворотъ, и ищутъ образцовъ и обоснованій въ исторіи другихъ человѣческихъ обществъ, уже пережившихъ похожія событія.

Такая оцѣнка прошлаго и настоящаго явно непріемлема съ точки зрѣнія исторической правды: такихъ переворотовъ не бываетъ въ жизни человѣческихъ обществъ, ибо живутъ они въ гораздо большей степени душевнымъ запасомъ, унаслѣдованнымъ отъ отцовъ и дѣдовъ, чѣмъ данными текущаго момента. Революціонныя эпохи въ этомъ отношеніи не составляютъ, конечно, исключеній, такъ какъ и революція творится среди людей, а они всегда „историчны". Во

имя исторической правды, должно намъ, современникамъ, преодолѣть навязчивую и соблазнительную мысль, что новая Россія 1917 года не имѣетъ ничего общаго съ Россіей до февральскихъ и мартовскихъ дней того же 1917 года. Такого разрыва нѣтъ и не могло быть. Переворотъ 1917 года есть спѣлый плодъ долгаго историческаго процесса развитія русскаго общества, иноземные же образцы могутъ быть приняты только, какъ указующія вѣхи, какъ сравненія, но отнюдь не какъ причины событій или ихъ объясненіе.

Обращаясь къ поставленному нами вопросу о политической сущности русскаго народа, которому несомнѣнно принадлежитъ и проведеніе переворота 1917 года и осуществленіе его заключительнаго акта — Учредительнаго Собранія, — мы будемъ разсматривать народъ не какъ отвлеченное понятіе и не какъ образованіе 1917 года, но какъ живое общественное цѣлое, имѣющее уходящее въ даль вѣковъ преемственное существованіе и ведущее свое политическое мышленіе и дѣйствованіе отъ живыхъ людей русской исторіи. Русскій народъ не внезапно родился въ февралѣ 1917 года. То обстоятельство, что большая часть русскихъ историковъ мало занималась его существованіемъ, — нисколько не умаляетъ нашу мысль. Далеко не все существующее, хотя бы и очень почтенныхъ размѣровъ и значенія, попадаетъ въ область человѣческой наблюдательности.

Часто отъ ея вниманія ускользаютъ великія явленія, особенно тѣ, которыя развиваются въ трудно доступныхъ для привычнаго наблюденія областяхъ общественной жизни. Фактъ появленія русскаго народа съ готовыми политическими мыслями и заданіями въ 1917 году только свидѣтельствуетъ, что народъ находилъ возможность и средства сохранять при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ существованія свою культурную жизненность, которая и была проявлена, какъ только создались соотвѣтствующія условія.

Народъ въ этомъ отношеніи можно сравнить съ мощной пружиной: когда-то въ нее была заложена громадная энергія, но потомъ внѣшняя преобладающая сила сжала пружину и не давала ей расправиться; какъ только эта сила ослабѣвала, пружина расправлялась соотвѣтственно равновѣсію силъ, когда же сжимающая сила внезапно изсякла пружина дала громадный толчокъ, который поразилъ наблюдателя своей несоизмѣримой силой, создавшей въ немъ ошибочное предположеніе самозарожденія силы именно въ этотъ моментъ. Прилагая этотъ примѣръ къ уясненію событій русской исторіи 1917 года, мы должны прежде всего выяснить, откуда въ русскомъ народѣ взялась въ 1917 году такая неожиданная сила, не только разрушившая въ единый мигъ вѣковой старый строй, но и указавшая точно и опредѣленно свое будущее направленіе развитія?

II.

Русскій народъ принято было до послѣдняго времени считать лишеннымъ политическихъ творческихъ силъ и участія въ строеніи политической общественности. Русскій народъ представлялся постороннему наблюдателю, какъ пассивная величина, управляемая внѣшней для него силой при почти полномъ отсутствіи въ запасѣ народнаго опыта идей политическаго самоуправленія.

Наблюденія эти страдали всегда „петербургской болѣзнью", наблюдатели смотрѣли на страну только изъ Петербурга и петербургскимъ методомъ и не замѣчали за блескомъ придворной мишуры жизни народныхъ массъ. Петербургское же правительство прилагало всю свою силу къ тому, чтобы обезличить народъ, представить его въ видѣ безпечнаго и безпомощнаго ребенка, нуждающагося въ постоянной опекѣ и надзорѣ. Изслѣдователи, которые попадали въ таинственную область народной жизни безъ раз-

рѣшенія правительства, часто возвращались оттуда съ иными выводами: одни изъ нихъ замѣчали только внѣшнюю бѣдность, некультурность, несходство съ европейскими образцами, другіе же, проникшіе въ самую гущу внутренней жизни, были глубоко поражены мощью и красотой культурной жизни русскаго крестьянства.

Народъ, наперекоръ Петербургу, жилъ, думалъ, чувствовалъ и страдалъ. Его культурная жизнь была пестра и многообразна; протекала она на виду у всѣхъ, а между тѣмъ верхи ея не видѣли и не слышали, одни потому что не хотѣли, а другіе потому что не могли: не всякій, имѣющій уши, слышитъ непрестанную жизнь природы, и не всякій, имѣющій глаза, видитъ красоту міра сего.

Народъ не только жилъ, онъ творилъ; его жизнь имѣла прошедшее и будущее. Народъ имѣлъ свою крестьянскую, „мужицкую" *) вѣру, свои „мужицкія" политическія и общественныя воззрѣнія, свою литературу и поэзію. Все это богатство не было получено народомъ изъ Петербурга или откуда-либо извнѣ, оно было природнымъ достояніемъ народа, наслѣдіемъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Корни культурной жизни народа уходятъ всегда глубоко въ исторію, а развитіе ея идетъ такъ покойно, что современникъ и даже историкъ можетъ ея и не замѣтить. Но въ жизни каждаго общества бываютъ моменты, когда этотъ спокойный ходъ исторіи прерывается, когда кажется, что рушатся основы общенія; при общественныхъ катастрофахъ, когда верхи общенія теряютъ нить исторіи и все общеніе приходитъ въ смятеніе и броженіе, — тогда изъ глубины народныхъ массъ прорывается тотъ немолчный потокъ жизни, та сокровенная

*) Да будетъ позволено намъ употреблять это нѣсколько грубое слово, но оно гораздо лучше поясняетъ нашу мысль, чѣмъ болѣе расплывчатое выраженіе „народный".

работа внутреннихъ силъ, которая созидаетъ органическую ткань самого общенія, которая вливаетъ живительный сокъ въ оскудѣвшія сердца, которая даетъ устойчивость для потерявшаго вѣру человѣка и освѣщаетъ путь золотой нити исторіи.

Такія переходныя эпохи являютъ міру все величіе и непобѣдимость свободнаго народа.

Русскій народъ былъ свободнымъ въ послѣдній разъ почти ровно триста лѣтъ тому назадъ: въ эпоху Смутнаго времени въ началѣ XVII ст. Эта эпоха представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и важныхъ страницъ нашей исторіи, какъ по исключительности и сложности историческихъ явленій, такъ и по глубокому ея вліянію на послѣдующую жизнь государства. Изучая Смутное время, мы найдемъ источники и пути развитія народной политической мысли, которая, пройдя въ народной средѣ незамѣченный историками путь развитія черезъ темныя XVIII и XIX столѣтія, пробилась на поверхность жизни мощнымъ ключомъ въ 1917 году. То, что совершилось на Руси въ 1917 году, есть дѣло именно народа, дѣло массъ, корни міровоззрѣнія котораго какъ разъ уходятъ въ глубь XVII столѣтія и его смутной эпохи. Конечно, между XVII и XX столѣтіями нѣтъ тождества, но имѣется несомнѣнная связь, которая намъ, по крайней мѣрѣ, кажется ясной. Времена и люди сильно измѣнинились, но основа міровоззрѣнія дѣйствующаго начала той и другой эпохи осталась та же; вѣдь, народъ и его міровоззрѣніе мѣняется за столѣтія сравнительно мало, и можно вполнѣ принять, что народъ Смутнаго времени XVII ст. и народъ переворота XX ст. хотя и измѣненная, но все же та же самая сила. Въ виду этого намъ кажется своевременнымъ и полезнымъ обратиться къ исторіи и въ ней, въ событіяхъ и переживаніяхъ Смутнаго времени, поискать психологической опоры для сужденій о людяхъ и событіяхъ

нашего времени, оглянуться назадъ, чтобы найти очеркъ картины будущаго. Такимъ образомъ мы хотѣли бы установить связь 1917 года со всею исторіей русскаго народа. Народъ въ такомъ пониманіи явится передъ нами не какъ новизна, созданная революціей, а сама революція представится, какъ результатъ историческаго процесса развитія народной мысли. Устранится объявшій многихъ за послѣднее время страхъ за неподготовленность русскаго народа къ такимъ переворотамъ. Народъ съ такимъ историческимъ опытомъ, и съ такой политической практикой, какую мы видимъ въ Смутное время, не можетъ пойти по ложному пути; за такимъ народомъ, какъ русскій, можно итти смѣло, потому что онъ знаетъ свой путь, по которому медленно, но твердо и неуклонно шествуетъ къ свободѣ и свѣту.

III.

Конецъ XVI ст. русской исторіи имѣетъ нѣкоторое сходство съ началомъ XX ст. Калитино племя, построившее московское государство, вымерло вмѣстѣ съ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, который, по выраженію современниковъ, всю жизнь избывалъ мірской суеты и докуки, помышляя только о небесномъ. Это былъ блаженный на престолѣ. Въ лицѣ царя Ѳеодора воочію вымирала древняя династія, съ которой люди московскаго государства сжились и примирились. Тяжко было правленіе Грознаго, но въ умахъ того времени неограниченная власть царя встрѣчала такую сильную поддержку, что идеи ограниченія царской власти, временами появлявшіяся на Руси, исчезали безъ послѣдствій для народнаго политическаго мышленія. Русскій народъ смутно еще помнилъ непрестанныя броженія и войны удѣльнаго періода и безсознательно, но исторически-вѣрно стремился къ сильной объединяющей власти, съ которой

неразрывны были представленія объ устойчивости порядка и безопасности личнаго существованія. Въ наше время огульнаго осужденія абсолютизма нужно помнить, что абсолютизмъ какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, принесъ народамъ государственное единство и крѣпость, заложилъ основы національнаго существованія. Абсолютизмъ нельзя себѣ представлять такъ упрощенно, какъ это часто дѣлается въ наше время; это не есть насильственная форма правленія, введенная монархами для собственной выгоды и корысти. Абсолютизмъ, какъ и всякая другая форма государственнаго правленія, не могъ быть созданъ искусственно кѣмъ-либо для какой-либо цѣли. Формы государственнаго правленія созидаются въ историческомъ ходѣ, такъ сказать, сами собою, подъ вліяніемъ того безличнаго, но всемогущаго начала, которое носитъ имя народа. Народъ въ таинственномъ процессѣ творитъ царства и царей, власть и властей, законы и право; онъ же низводитъ монарховъ и провозглашаетъ себя царемъ, когда устанавливаетъ республиканское государственное устройство. И никакое личное начало не въ силахъ измѣнить народнаго пути. Если въ XVI ст. на Руси и въ Западной Европѣ сложились государства съ абсолютными, неограниченными, правителями во главѣ, то это создали народы, а не монархи. Странно приписывать однимъ монархамъ столь властное воздѣйствіе на народъ. Такое отрицаніе народнаго творчества въ политикѣ можно объяснить только подсознательнымъ присутствіемъ остатковъ абсолютизма въ нашемъ сознаніи.

Со смертью царя Ѳедора для русскихъ людей XVI ст., съ ихъ непоколебленнымъ еще отношеніемъ къ абсолютизму, создалось совершенно необычное положеніе: династія, съ которой неразрывно для людей того времени связывалось существованіе и благо государства, пресѣклась, вымерла, лица, къ которому правомѣрно переходила бы царская

власть не оказалось. Народная мысль не была приготовлена къ такой катастрофѣ. Власть, въ представленіи народа еще живая и дѣйственная, настоятельно требовала властителя. Когда оказалось, что нѣтъ властителя, то осиротѣвшая власть начала метаться и судорожно искать мѣста своего прикрѣпленія. Единообразіе народнаго мышленія нарушилось: одни изнемогали въ попыткахъ возстановленія преемства власти, другіе почувствовали себя анархистами по-неволѣ, которымъ ничего не оставалось, какъ бунтовать и „брести розно“. Такія политическія катастрофы несутъ съ собою не однѣ опасности, не однѣ отрицательныя черты: онѣ властно призываютъ всѣхъ и каждаго къ политическому мышленію и творчеству. Это положительная сторона всякой смуты, всякаго переходнаго времени, можетъ быть дорого стоящая, но и много дающая. Народъ, поставленный передъ необходимостью чего-то искать, чего-то найти, расщепляется, въ немъ зарождаются объединенія на политической основѣ, политическія партіи, группы съ различными интересами, общественныя и классовыя организаціи. Все это разнообразное множество идей, интересовъ, желаній и стремленій приходить въ броженіе, вступаетъ въ борьбу, исходъ который снова объединяетъ народныя массы на основахъ, добытыхъ въ борьбѣ и смутѣ. Люди московскаго государства вступили въ XVII ст. съ двумя такими согласительными положеніями, которыя закончили политическій кризисъ, вызванный прекращеніемъ династіи: одна часть народа предлагала недостающаго царя избрать, а другая выдвинула идею самозванства.

Идея выборнаго царя, исходившая отъ общественныхъ верховъ Москвы, не получила признанія въ народномъ политическомъ мышленіи. Выборный царь казался, по образному выраженію В. О. Ключевскаго, такой же несообразностью, какъ выборный отецъ, выборная мать

И Борисъ Годуновъ, первый выборный царь этой эпохи, несмотря на свои выдающіяся личныя качества и заслуги, не былъ воспринятъ народнымъ сознаніемъ, какъ царь. Онъ, никѣмъ не оплакиваемый, сошелъ въ могилу въ самый критическій моментъ своего короткаго царствованія, когда первый самозванный царь Дмитрій, во главѣ украинныхъ войскъ московскаго государства, приближался къ Москвѣ, а потомство Бориса было звѣрски уничтожено. Такое отношеніе къ Борису нельзя объяснять только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ избранъ не всей землей, а только случайнымъ, искусственно подобраннымъ соборомъ въ Москвѣ. Въ то время въ народномъ сознаніи еще не оформилась и сама мысль о соборѣ всей земли, какъ пути къ возстановленію власти. Борисъ въ глазахъ народа былъ похититель чьего-то права, узурпаторъ престола, принадлежавшаго истинному, хотя и невѣдомому, царю. И вотъ этотъ кто-то, этотъ невѣдомый, но законный царь, внезапно является среди броженія и поисковъ выхода изъ политическаго тупика. Уже первыя неясныя вѣсти о появленіи „законнаго царя Дмитрія“ были приняты народными массами съ такимъ воодушевленіемъ, что было ясно, что чаша политическихъ вѣсовъ неуклонно и стремительно падала въ пользу Дмитрія и на гибель Бориса; вымышленное происхожденіе Дмитрія отъ Грознаго начисто вымело выборнаго царя Бориса изъ народной памяти.

Но и самозванство не создало твердой опоры для власти, хотя и было весьма близко и понятно народу, который предпочелъ выборному царю царя связаннаго, хотя бы и вымысломъ, съ древней династіей. Въ самозванщинѣ сказался консерватизмъ народной мысли: народъ старался держаться за старое, не отступая даже и передъ самообманомъ. Политическое творчество новыхъ формъ давалось народу крайне туго и тяжело. Самозванство стало у насъ съ тѣхъ поръ

хронической болѣзнью государства: дѣло въ томъ, что первый самозванецъ опирался на наиболѣе обездоленные классы страны, онъ сталъ во главѣ людей, лишенныхъ личной свободы и разоренныхъ поборамм центральной власти, онъ выводилъ ихъ изъ безвыходнаго положенія, становился царемъ бѣдноты и „сиротъ". Эти классы не оставляли съ тѣхъ поръ мечты улучшенія своего положенія въ государствѣ путемъ выставленія своего претендента на престолъ. Самозванцы являлись каждое царствованіе до нашихъ дней: не забудемъ, что крестьянскія движенія послѣднихъ лѣтъ начинались именно во имя какого-то указа, золотой грамоты какого-то невѣдомаго царя, сулившаго крестьянамъ „землю и волю". Въ идеѣ самозванства лежало требованіе соціальныхъ реформъ, а неудовлетвореніе ихъ питало самую идею. Послѣ паденія Дмитрія была испробована новая форма созданія власти: былъ провозглашенъ царь съ ограниченной властью въ лицѣ Василія Ивановича Шуйскаго, который, вступивъ на престолъ по выбору населенія Москвы, далъ подкрестную запись, т.-е, по теперешней терминологіи, конституцію. Но и эта форма не удовлетворяла народныхъ требованій. Съ тѣхъ поръ, какъ въ смуту вошли неимущіе крѣпостные классы населенія одно, политическое разрѣшеніе кризиса не могло уже удовлетворить всѣхъ. Мѣропріятія Шуйскаго по отношенію къ крестьянамъ, клонившіяся къ ихъ прикрѣпленію къ землѣ, возстановили противъ него и эти слои населенія, которыя, оставаясь при прежнихъ политическихъ понятіяхъ въ отношеніи обоснованія царской власти, явились дѣятельными сторонниками коренного, общественнаго переворота. На царя Василія поднялся весь обездоленный людъ московскаго государства, смута превратилась въ соціальную борьбу уже не противъ только царя и его незаконнаго положенія, но главнымъ образомъ противъ имущихъ классовъ государства.

Во главѣ этого движенія стоялъ Болотниковъ, изъ его лагеря по Москвѣ распространялись прокламаціи, призывавшія холоповъ избивать своихъ господъ и грабить торговыхъ людей; „ворамъ“ обѣщали боярство, воеводство, всякую честь и богатство. Въ запискахъ дьяка Ивана Тимофеева Русь того времени картинно сравнивается съ беззащитной вдовой, домъ которой расхищается челядью. Келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ въ своей прочувствованной повѣсти о Смутномъ времени пишетъ, что тогда всякій стремился подняться выше своего званія, рабы хотѣли стать господами, рядовой военный принимался боярствовать, люди сильные разумомъ ставились ни во что, „въ прахъ вмѣняемы бываху“. „Худые“ люди добивались въ смутѣ не новаго государственнаго порядка, а искали просто выхода изъ своего тяжелаго положенія, искали личныхъ неустойчивыхъ выгодъ, а не крѣпкаго устроенія общества.

Въ концѣ 1611 года московское государство представляло зрѣлище полнаго видимаго разрушенія. Поляки взяли Смоленскъ, польскій отрядъ сжегъ Москву и укрѣпился въ Кремлѣ, шведы заняли Новгородъ и выставили одного изъ своихъ королевичей кандидатомъ на московскій престолъ; царь Василій былъ сверженъ и сидѣлъ въ заточеніи въ монастырѣ. Страна оставалась безъ правительства; „воры“ расхищали землю и государство превратилось въ какую-то мятущуюся массу. Эта „московская трагедія“ (такъ назвалъ смуту одинъ иностранный наблюдатель) дала толчокъ къ образованію новыхъ политическихъ понятій въ народѣ. Соціальная смута, отсутствіе личной и имущественной неприкосновенности и безопасности, иноземное вторженіе и угроза потери независимости соединили, наконецъ, враждующіе классы населенія. Образовались двѣ большія группы: въ одной собрались разнообразные элементы, объединенные противъ общаго врага—„воровъ“ и ляховъ—еще крѣпкими

національными и религіозными связами; въ другой остались бродячіе элементы, сплотившіеся вокругъ почти легендарнаго Тушинскаго вора, второго самозванца.

Ядро первой, такъ сказать, государственной группы образовали сильные духомъ и единеніемъ крестьянскіе „міры" сѣвернаго Поморья. Въ смутную эпоху эти народныя организаціи явили истинно-государственную дѣятельность для спасенія національной и религіозной независимости и общественнаго порядка. Сѣверъ московскаго государства въ XVII ст. отличался отъ другихъ его областей прежде всего отсутствіемъ въ немъ боярства и московскаго дворянства, что придавало ему демократическій характеръ. Сѣверныя общины оставались и при Грозномъ самостоятельными, въ область ихъ автономнаго вѣдѣнія входило не только податное дѣло, но и полиція, судъ и финансы; имъ было хорошо знакомо выборное начало и выборное производство. Мірскія организаціи московскаго сѣвера издревле воспитали въ своихъ членахъ единодушіе, взаимное довѣріе и согласованность дѣйствій. Имъ оставалось сдѣлать подъ вліяніемъ надвигавшейся грозы и опасности гибели государства одинъ только шагъ, перенеся силу и средства своихъ историческихъ организацій на политическія дѣла.

Не то было на югѣ московскаго государства, гдѣ населеніе давно уже изнывало подъ тягломъ государства и вотчинной властью крупныхъ бояръ-землевладѣльцевъ. Населеніе здѣсь уже въ XVI ст. пришло въ броженіе, не держалось на мѣстѣ, не пускало, такъ сказать, корней въ землю, оно „брело розно", бросало государево тягло, боярскій дворъ и господскую пашню, унося съ собою въ вольное и дикое „Поле" чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно, но неуклонно лишалъ его частной собственности и свободы, земли и воли. Самозванцы первые подняли эти народныя массы южныхъ

окраинъ московскаго государства и вселили въ нихъ надежду на лучшее будущее. Но массы эти были чрезвычайно разнородны и потому мало организованы, а выступленія ихъ, нося характеръ негосударственный и даже часто противо-государственный анархическій, не могли снискать симпатій ни въ крестьянскомъ сѣверѣ, проникнутомъ началами государственности и хозяйственности, ни въ среднихъ классахъ населенія, степенныхъ людяхъ, которые, скрѣпя сердце, соглашались даже на такой шагъ, какъ принятіе на московскій престолъ польскаго королевича, лишь бы не допустить на престолъ Тушинскаго вора, кандидата самозванческихъ войскъ, отъ котораго никто не ждалъ ни успокоенія, ни порядка.

Такъ очень часто крайніе элементы общества вмѣстѣ съ разлагающимъ вліяніемъ несутъ для остальной умѣренной его части залогъ единенія: кого не могли объединить никакія другія силы, объединяла опасность противъ общаго врага. И чѣмъ болѣе свирѣпствовали крайнія теченія, тѣмъ крѣпче становился союзъ противъ нихъ. Такъ въ Смутное время создалось земское объединеніе противъ противоземскихъ и чуженародныхъ теченій путемъ сплоченія около мірскихъ силъ такихъ неоднородныхъ классовъ, какъ высшее московское боярство и среднее посадское населеніе. Въ этой же средѣ изъ общаго броженія умовъ все явственнѣе очерчивался образъ Всенароднаго Земскаго Собора, какъ единственнаго средства окончательнаго и крѣпкаго устроенія государства. Возникъ онъ не изъ воспоминаній о прежнихъ Земскихъ Соборахъ, бывшихъ на Руси въ XVI ст., а изъ расширенія хозяйственной поморской практики самоуправленія на область политики. Соборы XVI ст. обычно не заключали въ своемъ составѣ выборнаго элемента, ихъ составъ опредѣлялся по государеву или вообще правительственному назначенію, это были усиленныя Бояр-

скія Думы, но не земское представительство. Въ умахъ же земскаго ополченія, вышедшаго въ 1612 году подъ управленіемъ Пожарскаго и Минина, на выручку Москвѣ, уже была готовая форма „Совѣта всей земли“ въ видѣ объединенного собранія тѣхъ всесословныхъ выборныхъ совѣтовъ отдѣльныхъ городскихъ общинъ, которые образовались въ періодъ 1608—1612 гг., подъ вліяніемъ политической необходимости, изъ мѣстныхъ самоуправленій. Этотъ совѣтъ совѣтовъ, съѣздъ съѣздовъ только по имени походилъ на прежніе \Земскіе Соборы, въ сущности же онъ былъ продуктомъ творчества народной мысли, намѣреніемъ совершенно новымъ для Россіи, въ немъ намѣчалось зарожденіе русскаго народнаго представительства на демократическихъ началахъ, какъ демократичны были тѣ мірскіе сходы, которые дали обоснованіе такому государственному начинанію.\Сила этой идеи была такъ захватывающа, что на сторону земскаго ополченія въ короткій срокъ перешла большая часть „воровского войска“, въ томъ числѣ и часть казаковъ, и земство побѣдило центробѣжныя силы не столько оружіемъ и числомъ, сколько этой идеей. Въ началѣ 1613 года Тушинскій лагерь проявилъ признаки саморазложенія и постепенно перешелъ на сторону земскаго ополченія. Въ 1613 году земство занимаетъ Москву и тутъ же принимается за осуществленіе своей конечной цѣли: созыва Всенароднаго Земскаго Собора или, по теперешней терминологіи, Учредительнаго Народнаго Собранія.

IV.

Идея Учредительнаго Собранія, кажущаяся намъ теперь столь простой и естественной, людямъ XVII ст. давалась туго, путемъ долгаго исканія почти въ потемкахъ. Смутное время, поставившее передъ обществомъ небывалую

задачу, оказалось прекрасной, хотя и дорого стоившей странѣ, школой политической мысли. Впрочемъ, различные классы населенія московской Руси вынесли изъ этой школы различныя рѣшенія великаго вопроса устроенія отечества. Бояре-аристократы проявили при этомъ крайнюю слабость духа, обнаружили свою полную политическую и общественную несостоятельность: они, отчаявшись въ дѣйственности русскаго политическаго смысла и въ самой русской націи, устремили свои взоры въ чужіе края и по своей инициативѣ предложили московскій престолъ польскому королевичу Владиславу, сыну польскаго короля Сигизмунда, съ которымъ даже заключили политическій договоръ объ условіяхъ передачи московской короны въ польскія руки. Бояре полагали, что это будетъ только унія съ Польшей, но вскорѣ же убѣдились, что намѣренія поляковъ идутъ гораздо глубже, вплоть до полнаго ополяченія Москвы. Такіе же переговоры велись и съ Швеціей. Россію, собранную великими трудами народа, предавали на чужеземное расхищенье свои же верхи.

Не лучше вели себя и тѣ низшіе соціальные классы, которые носили картинное названіе „земской вольницы", съ казаками во главѣ. Ихъ политическія намѣренія не шли далѣе обезпеченія себѣ свободы грабежа, что они и думали закрѣпить въ постоянной государственной анархіи путемъ проведенія на престолъ миѳическаго Тушинскаго вора, а впослѣдствіи его сына, „Маринкина сына", какъ его окрестила исторія.

Между этими крайними партіями людей, потерявшихъ и стыдъ и совѣсть и всякую государственную идею, пришлось выступить народу, поморскимъ и заокскимъ мужикамъ, у которыхъ смута не только не выбила національныхъ и религіозныхъ устоевъ, но укрѣпила ихъ и вызвала на положительное политическое творчество. Это „простонародье"

оказалось нравственно и политически гораздо устойчивѣе своихъ мнимыхъ руководителей-бояръ и государственнѣе своихъ бродячихъ товарищей.

Мужики-крестьяне, „послѣдніе люди“ московской соціальной лѣствицы, видѣли, какъ падали одинъ за другимъ выборные цари и самозванцы; видѣли, какъ это зрѣлище развращало неустойчивые классы населенія и привело къ непосредственной опасности потери національной независимости. Умудренные такимъ богатымъ политическимъ опытомъ и выводами изъ него, земскіе мужики съ особой осмотрительностью, даже хозяйственностью, вели свою особую линію. Народное ополченіе, собравшееся къ 1612 году въ Ярославлѣ, стянувъ подъ свои знамена Поморье, Понизовье и Замосковныя мѣста на сѣверѣ отъ Москвы, т.-е. всю демократическую часть московскаго государства, выработало свою собственную политическую программу дѣйствій и устроенія Россіи. Здѣсь не увлекались ни легкомысленными реакціонными планами княжескаго боярства, ни возможностью дешеваго соціальнаго переворота. Ополченцы были одинаково противники, какъ „воровъ“ и казаковъ, такъ и аристократическихъ измѣнниковъ. Еще въ 1612 году въ Ярославлѣ были составлены и разосланы изъ земскаго ополченія по городамъ грамоты, гдѣ указывалось, что невозможно болѣе землѣ оставаться безгосударной, ибо невозможно государству стоять безъ головы противъ враговъ родины, невозможно ссылаться съ иностранными государствами, невозможно устроить и держать государственный порядокъ. Понявъ и вѣрно опредѣливъ сущность положенія монарха въ государствѣ, какъ главы войска, дипломатіи и управленія, мужики далѣе постановили: „иныхъ земель людей на московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть“. Но не хотѣли они и прежняго монарха въ стилѣ Грознаго, образъ котораго былъ еще живъ въ народѣ, и

потому считали необходимымъ, чтобы при монархѣ были земскіе люди, выборные отъ всей земли, съ которыми царь долженъ будетъ „чинить о всякомъ земскомъ дѣлѣ крѣпкій общій совѣтъ". Такъ пробилось срединное теченіе, провозгласившее крестьянскіе-мужицкіе идеалы *народнаго царя*: безъ царя государство неполно и некрѣпко, онъ долженъ быть русскимъ по рожденію и мышленію, и долженъ пребывать въ постоянномъ живомъ общеніи съ народомъ, чтобы черпать оттуда основы политики и управленія; такой царь не можетъ быть выбранъ, какъ были выбраны Годуновъ и Шуйскій, выборный царь оставался для народа чуждымъ явленіемъ, не-царемъ; такой царь долженъ быть *найденъ* совокупными усиліями всей земли, „какъ и кого Богъ укажетъ".

Вся земля была созвана для этой цѣли почти немедленно послѣ занятія Москвы земскимъ ополченіемъ на Земскій Соборъ. Но Земскій Соборъ 1613 года былъ совершенной новизной и по составу, и по задачамъ. Правда, онъ составился, какъ и прежніе Земскіе Соборы, изъ духовныхъ властей русской церкви (Освященный Соборъ), изъ бояръ, и изъ выборныхъ земскихъ представителей. Но значеніе этихъ трехъ „сословій" было совершенно иное: въ XVI ст. на Земскихъ Соборахъ первую роль играли, конечно, бояре, остальные же члены собора являлись только совѣтниками и зрителями. На соборѣ же 1613 г. бояре не могли уже сохранить за собою прежняго значенія, потому что ихъ козням приписывала народная молва разруху Смутнаго времени; кромѣ того стремленіе бояръ къ передачѣ московскаго престола въ иноземныя руки дѣлало ихъ въ глазахъ народа прямо измѣнниками религіозному и національному дѣлу. Ядро Земскаго Собора 1613 г. составляли земскіе представители, выборные отъ болѣе чѣмъ 50 городовъ отъ Бѣлаго моря и до Дона и Донца. Эти „лучшіе и по-

стоятельные люди", носители крѣпкаго и устойчиваго міровоззрѣнія крестьянскихъ міровъ, были на соборѣ безспорнымъ политическимъ авторитетомъ.

Великое Учредительное Собраніе 1613 г., созванное съ цѣлью установленія формы правленія въ государствѣ, принадлежало всецѣло мужицкому генію; онъ вывелъ замутившуюся страну изъ 15 лѣтъ непрерывныхъ и разорительныхъ внутреннихъ волненій, осложнившихся наступленіемъ со стороны Польши и Швеціи; ему принадлежала выработка самой идеи Учредительнаго Собора и онъ же воплотилъ эту идею въ дѣйствительность.

Послѣ трехдневнаго поста, которымъ русскіе люди хотѣли очиститься отъ грѣховъ смуты предъ совершеніемъ такого важнаго дѣла, начались совѣщанія. Съ начала единомыслія не оказалось; разнорѣчія продолжались не мало времени; явились обычные спутники избирательной борьбы: подкупы, подарки, обѣщанія. Наконецъ, когда крестьянская часть собора, выяснила свои требованія, то стало ясно, что предложенія крайнихъ партій собора не имѣютъ надежды на успѣхъ; такимъ образомъ отпали стремленія тогдашнихъ правыхъ-реакціонеровъ провести на престолъ царя-иноземца и тогдашнихъ лѣвыхъ радикаловъ водворить своего символическаго царька „Маринкина сына". Мужики стояли твердо за русскаго царя изъ боярскаго рода. Къ нимъ примкнула большая часть собора: дворяне, большіе купцы и даже часть казаковъ. Это умѣренное государственное теченіе остановило свой выборъ на Михаилѣ Романовѣ, юношѣ 16 лѣтъ, ничѣмъ неизвѣстномъ, ничѣмъ невыдававшимся, про котораго современникъ писалъ: „Миша-де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ", а казацкій атаманъ, будто бы рѣшившій, подачей своего „писанія", дѣло избранія въ пользу Михаила, заявилъ, что казаки хотятъ Михаила потому, что онъ *при-*

родный царь. Такимъ образомъ на Михаилѣ сошлись и правые, которымъ онъ казался „поваденъ“, и лѣвые, которые видѣли въ немъ природнаго царя. Запасъ политическаго опыта, вынесеннаго народомъ изъ смуты, далъ собору возможность мирно столковаться и достойно совершить задачу собора: найти царя не путемъ голосованія, не большинствомъ, а единодушіемъ. И царь былъ найденъ, а не выбранъ. Такой царь былъ дѣйствительнымъ символомъ той государственной идеи, которая родилась въ смутѣ и вытѣснила въ народномъ сознаніи прежнее отождествленіе государства съ государемъ. Народъ въ смутную эпоху воочію увидѣлъ, что государство не есть еще государь: государя не было, а государство не погибло, и народъ понялъ, что государь нуженъ былъ не для самаго существованія государства, но для его управленія и устойчивости. Разнообразные элементы собора 1613 г. остановились на Михаилѣ Романовѣ не случайно; они дѣйствовали здѣсь политически сознательно, замѣщая опустѣвшій престолъ личностью незначительною, но стоявшею въ ближайшемъ кровномъ родствѣ съ угасшею династіей Калиты. Замѣстить это пустое мѣсто было необходимо, чтобы прекратить самозванчество, столь гибельно повліявшее на благосостояніе государства; и замѣстить его нужно было такою личностью, которая съ одной стороны имѣла связь съ прежними царями, а съ другой стороны не могла проявлять тѣ дурные навыки самодержавія, которые выродились у Грознаго въ болѣзненное самодурство. Въ качествѣ обезпеченія такого поведенія со стороны именно Михаила Романова Земскій Соборъ намѣчалъ созданіе постояннаго Земскаго Собора при государѣ для руководства и управленія государствомъ. Несовершеннолѣтіе Михаила Романова вполнѣ обезпечивало это предположеніе. Такимъ образомъ, народъ на Учредительномъ Собраніи 1613 г. провозгласилъ здра-

вую и жизненную политическую идею, выработавшуюся въ горькомъ опытѣ Смутнаго времени въ коллективномъ умѣ массъ народа. Идея эта на нашемъ современномъ языкѣ передается при посредствѣ широкаго понятія парламентарной государственности.

Съ Михаила, какъ извѣстно, не была взята „подкрестная запись", формальное конституціонное обязательство, которое давали при вступленіи на престолъ „избранные" цари Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій. Этимъ хотѣли тогда отмѣтить, что Михаилъ Романовъ не избранный, а законный, найденный народнымъ голосомъ царь, *народный царь*. Политическая народная мысль 1613 года не имѣла намѣреній ограничивать такого царя какими-либо формальными обязательствами, да и сама идея ограниченія царской власти, въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, была непримѣнима по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ и условіямъ: власть царя приходилось послѣ смуты не ограничивать, а, напротивъ, всемѣрно укрѣплять.

Такъ народная мысль пришла къ идеѣ участія народа въ управленіи страною путемъ постоянныхъ Земскихъ Соборовъ, подобныхъ Собору 1613 г. И, дѣйствительно, царствованіе Михаила было временемъ усиленной работы правительства совмѣстно съ народными представителями: въ началѣ царствованія Михаила (1613—1622 гг.) Земскіе Соборы созываются почти безпрерывно въ видѣ постояннаго государственнаго учрежденія. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не собирались такъ часто выборные отъ всей земли московскаго государства; всѣ важные вопросы внѣшней и внутренней политики рѣшались въ сотрудничествѣ съ представителями народной земской силы.

Земскій Соборъ 1613 г. оставилъ глубокій слѣдъ въ русской исторіи и въ политическомъ мышленіи народа не тѣмъ, конечно, что онъ создалъ династію Романовыхъ, а тѣмъ,

что, во-первыхъ, нашелъ новую жизненную форму государственнаго правленія, во-вторыхъ, тѣмъ, что намѣтилъ и стремился устранить два злыхъ начала русской политической жизни: самозванство и абсолютизмъ. Создавая новаго народнаго царя, который царствуетъ вмѣстѣ съ народомъ, Соборъ думалъ этимъ подрѣзать въ корнѣ и самозванство, и абсолютизмъ, безвластіе и самовластіе. Но, какъ свидѣтельствуетъ исторія, намѣренія Собора 1613 г. потерпѣли крушеніе: народу впослѣдствіи удалось только одолѣть самозванство и безвластіе, да и то не вполнѣ, такъ какъ источникъ самозванства, — ненормальное положеніе низшихъ классовъ населенія, — остался неустраненнымъ.

Сдержать же власть царя путемъ народнаго сотрудничества народу не удалось, и вскорѣ уже народный царь, тотъ же Михаилъ Романовъ, превратился въ царя съ абсолютной властью.

Политическій подъемъ народныхъ массъ, покончивъ со смутой и утвердивъ порядокъ въ государствѣ, разлился по необъятнымъ просторамъ русской земли, которые быстро разсосали политическое одушевленіе народа. Скоро оказалось, что не царь отвѣтственъ передъ народомъ въ лицѣ его представителей, а, наоборотъ, Земскій Соборъ сталъ отвѣтственъ передъ царемъ за страну. Всѣ непорядки въ странѣ ставились царемъ въ вину не правительству, а народнымъ представителямъ на Земскомъ Соборѣ.

„Учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ... обѣщались вы служить и прямить намъ и быть въ соединеніи, а теперь вездѣ грабежи и убійства, разные непорядки, о которыхъ намъ докучаютъ; такъ вы эти докуки отъ насъ отведите и все приведите въ порядокъ“. Такъ правительство царя Михаила понимало свое положеніе и отношеніе къ народнымъ представителямъ еще въ началѣ царствованія новаго царя.

По мѣрѣ успокоенія страны и водворенія въ ней мирнаго порядка успокаивался и народъ, политическій подъемъ спадалъ, населеніе спѣшило къ своему ежедневному тяжелому труду, за которымъ постепенно забывало и политику, и дѣла правленія. Смута не создала ни личныхъ героевъ, ни политическихъ организацій въ народѣ, некому было охранять политическое напряженіе отъ забвенія, отъ натиска повседневныхъ нуждъ и заботъ. Народное представительство не получило опоры въ народѣ и уже въ серединѣ XVII ст. потеряло свое политическое значеніе.

Смута, вызвавшая русское общество на усиленное политическое размышленіе и творчество, цѣликомъ опустилась на плечи трудового крестьянства, благодаря необычайному напряженію котораго были побѣждены крайнія общественныя теченія Смутнаго времени. Но напряженіе это не могло пройти безслѣдно и для самого крестьянства; принявъ на себя удары и справа и слѣва, оно само потеряло всякую силу сопротивленія противъ послѣдствій смуты.

А послѣдствія смуты были чрезвычайно глубокія: московское правительство пошло по пути централизаціи (усиленія на счетъ земскаго самоуправленія), въ Москвѣ возникъ новый классъ, получившій впослѣдствіе имя бюрократіи (средостѣніе между правительствомъ и народомъ), намѣтилось образованіе постоянной арміи, оторванной отъ народа, и, наконецъ, было проведено закрѣпощеніе всего населенія на службу государству, и государство опять стало въ Москвѣ отождествляться съ государемъ.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ правительства и закрѣпощеніемъ народа пало и земское правительство; оно потеряло подъ собою земскую почву, превратилось въ обычную государственную службу и, такимъ образомъ, лишилось довѣрія снизу и не получило вниманія сверху.

IV.

Такъ печально окончилось первое свободное политическое выступленіе русскаго народа триста лѣтъ тому назадъ.

Но не нужно думать, что народъ окончилъ вмѣстѣ съ этой неудачей и свое политическое развитіе. Нѣтъ, — народъ вынесъ изъ Смутнаго времени богатый запасъ идей и наблюденій, который и разбиралъ на свободѣ, не спѣша, въ глубокихъ нѣдрахъ страны цѣлыя три столѣтія. За эти три столѣтія народъ не только не расточилъ этого запаса, но умножилъ его сторицею своимъ творчествомъ. Правда, творчество это оставалось незамѣченнымъ цѣлыя столѣтія со стороны верховъ, почему и не могло оно имѣть достойнаго вліянія на жизнь центра, который упорно не хотѣлъ замѣчать народной жизни.

Династія, поставленная народомъ въ 1613 году, не сохранила своихъ связей съ народомъ, не соблюдала своего назначенія быть народными царями и вскорѣ выродилась въ совершенно чуждое народу, и по крови и по духу, правительственное насиліе. Петербургское, откровенно — нѣмецкое, правительство обычно представляло себѣ и другимъ русскій народъ въ видѣ сборища полу-дикихъ людей, способныхъ только къ бунтамъ, грабежамъ и пьянству. Поэтому и вся политика этого правительства сводилась къ „усмиренію“, когда народъ вопіялъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, и къ спаиванію его казенной водкой, когда онъ молчалъ. На все то, что народъ создалъ въ свободномъ ходѣ своего развитія, было наложено запрещеніе. Запрещена была народная вѣра, вѣра отцовъ и дѣдовъ, заклейменная названіемъ „раскола“ и замѣненная синодской церковію казеннаго образца, во главѣ которой стоялъ уже не Христосъ, имя Котораго принялъ нашъ народъ-крестья-

нинъ, а иноземный и иновѣрный императоръ. Запрещались или высмѣивались произведенія народной словесности, которыми такъ богатъ русскій народъ. Для народа въ Петербургѣ были всегда готовы плети и пушки, но никогда онъ не получалъ оттуда, взамѣнъ своего труда и денегъ, духовной пищи.

Но, несмотря на всѣ эти безстыдныя усилія обезличить народъ, народъ продолжалъ свое историческое существованіе и развитіе наслѣдственныхъ запасовъ и богатствъ, придерживаясь своей религіи, своей политики, своей литературы и искусства.

Славянофиламъ нужно отдать честь за то, что они „открыли“ эти крестьянскія богатства всему русскому обществу въ 40 гг. прошлаго столѣтія. За славянофилами пошли въ эту таинственную область крестьянскаго творчества и другіе изслѣдователи, нашедшіе въ завѣтныхъ глубинахъ цѣлый міръ, построенный на основахъ соціализма, демократизма и свободы, плодами котораго и питается великій 1917 годъ.

Событія 1917 года уже не застали народныя массы врасплохъ, какъ это было въ XVII ст. Триста лѣтъ органической культурной жизни, хотя и смѣшанной съ горечью и и печалью, отложили въ сознаніи народа много устойчиваго и крѣпкаго; русскому народу, внезапно очутившемуся на свободѣ, не нужно было искать новыхъ путей въ политикѣ. Народъ шелъ по этому пути уже триста лѣтъ, и только внѣшняя преобладающая сила не давала ему достигнуть завѣтной цѣли. Революція 1917 г. устранила эту силу съ народнаго пути и народъ двинулся спокойно и плавно по родному вѣковому направленію къ власти. Поэтому революціонный переломъ проходитъ безъ большихъ потрясеній для общества. О прежней нѣмецкой власти никто и не вспомнилъ, народъ въ своемъ величіи только вѣжливо от-

странилъ петербургскую власть съ своего пути, и затѣмъ почти забылъ о ней, ибо ему предстояла великая задача по охраненію государства отъ покушеній извнѣ и извнутри. Въ первые же дни народъ совершаетъ два великіе акта политическаго сознанія: замѣщаетъ опустѣвшее царское мѣсто правительствомъ народнаго довѣрія и провозглашаетъ Всенародное Учредительное Собраніе. Народъ досталъ эти двѣ идеи изъ глубины своего историческаго запаса, корни котораго восходятъ къ смутной эпохѣ XVII ст. Народъ вспомнилъ самозванство и поспѣшилъ предотвратить его, замѣстивъ опустѣвшее мѣсто на верху государственнаго управленія. Народъ вспомнилъ смуту XVII ст., продолжавшуюся 15 лѣтъ, и поспѣшилъ предупредить ее возникновеніе въ XX ст., провозгласивъ, что только Учредительное Собраніе 1917 года, подобно Земскому Собору 1613 года, можетъ окончательно устроить русское государство на новыхъ началахъ. Народъ вспомнилъ, наконецъ, что необходимо не только предотвратить самозванщину, но и въ корнѣ уничтожить ея источникъ, и провозгласилъ настоятельность проведенія соціальныхъ реформъ, какъ необходимаго дополненія реформъ политическихъ.

Эти акты должны спасти Россію въ 1917 году отъ царей, самозванцевъ и политической и соціальной смуты.

Было бы ошибочно думать, что акты эти исходили только отъ правительства, нѣтъ, — правительство ихъ только *издало*, а *далъ* ихъ все-таки русскій народъ. Также ошибочна мысль, что все, что сдѣлано въ 1917 году, сдѣлано не русской исторіей, а международной интеллигенціей по иностраннымъ образцамъ. Нѣтъ, вся революція и все революціонное творчество принадлежитъ русскому народу, составляетъ его отцовское и дѣдовское достояніе и наслѣдіе.

Будемъ спокойно ожидать голоса этого народа на грядущемъ Учредительномъ Собраніи. Народъ провозгласилъ

его и народъ же проведетъ его достойно и торжественно. Трудовое крестьянство неоднократно уже спасало Россію, и на этотъ разъ отъ него же мы ждемъ устроенія отечества и водворенія въ немъ порядка и безопасности. Можно увѣренно сказать, что и въ 1917 году, какъ и въ 1613-мъ, народное политическое творчество найдетъ устойчивую срединную линію, потому что крайности никогда не были творческимъ началомъ жизни. И теперь, какъ и въ 1613 году, абсолютизмъ и большевизмъ не найдутъ себѣ поддержки въ народномъ сознаніи, а слѣдовательно и на Учредительномъ Собраніи 1917 года.

Мы ждемъ, и ждемъ опираясь на исторію русскаго народа, что будущее Учредительное Собраніе дастъ міру великія достиженія, проникнутыя выстраданными русскимъ народомъ идеями.

Мы привѣтствуемъ грядущее Народное царство, гдѣ царемъ будетъ народъ, правительствомъ цвѣтъ его интеллигенціи, а творческими основами управленія: соціализмъ. демократизмъ и свобода.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.